

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КНИГЕ А.Т. ЦАЛИКОВА «КАВКАЗ И ПОВОЛЖЬЕ»

С.А. Айларова

Статья посвящена анализу книги выдающегося общественно-политического деятеля России и Осетии, талантливого писателя и публициста Ахмеда Тембулатовича Цаликова «Кавказ и Поволжье». В центре внимания этого труда – проблемы модернизации народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. Автор выявляет ресурсную базу модернизации горских народов: земельную обеспеченность, уровень традиционной хозяйственной культуры, образовательный потенциал, помощь государственных и общественных структур. Воссоздается картина вступивших на путь трансформации горских обществ, чья традиционность испытала сильный удар новых потребностей и возможностей индустриального мира. Прежний баланс неизменных потребностей и хозяйственно-промышленной культуры, удовлетворявшей горцев в традиционном обществе, был нарушен. Цаликов оценивает новую экономическую ситуацию в горских обществах как драматическую, чреватую массовой пауперизацией, голодом. Он ищет новую гармонию культурно-хозяйственной жизни, возможности построения продуктивной экономики. Основными факторами, проблематизирующими модернизационный «переход» для горских обществ, Цаликов считал малоземелье горцев, бюрократический произвол кавказской администрации, гибель самобытных ремесел, нарастающую трудовую миграцию и криминализацию в горской среде. Все негативные тенденции он считал проявлением хозяйственно-модернизационного кризиса, вызвавшего архаизацию горских обществ. Автор предлагает ряд культурно-административных реформ, которые могли внести порядок и законность в жизнь горского социума. Книга А. Цаликова – первопроходец в постановке многих проблем модернизации народов Северного Кавказа, но в то же время и обобщение всей тематики общественной мысли в рамках этого актуального дискурса.

Ключевые слова: Ахмед Цаликов, Кавказ и Поволжье, модернизация, традиционное общество, хозяйственный кризис, архаизация.

Для цитирования: Айларова С.А. Вопросы модернизации горских народов Северного Кавказа в книге А.Т. Цаликова «Кавказ и Поволжье» // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С.47-56. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.004

Поступила в редколлегию: 25.09.2025 г.

Магистральная тема общественной мысли народов Северного Кавказа XIX – начала XX века – модернизация горского социума, изменение культуры и хозяйственного уклада жизни северокавказских обществ, формирование новой современной реальности. В литературе и публицистике северокавказских авторов затрагивались самые разнообразные стороны социально-культурного и хозяйственного состояния традиционных горских обществ, требующего инноваций, современных ценностей – просвещения, свободы личности, новой этики труда, хозяйственного рационализма. Северокавказская интеллигенция внимательна к «зачаткам» просвещения и общественной динамики в этнической традиции, прослеживает эти феномены и в настоящем и в истории своих обществ [1].

С конца XIX века в северокавказской публицистике, в трудах А.Г. Ардасенова, Г.М. Цаголова, М.К. Гарданова и мн. др. дается глубокий анализ процесса втягивания горских народов в пространство рыночной экономики, разрушения натурально-потребительских хозяйств, коррозии основ традиционных культур. Анализ дополнялся выявлением всех ресурсов, которыми располагали народы Северного Кавказа для того, чтобы безболезненно включиться в такой инновационный процесс, как модернизация традиционного социума – от образовательного потенциала до традиций хозяйствования и земельного обеспечения горских народов. С начала XX века в центр внимания попадает и такой вопрос, как «особенности» административно-политического режима, в рамках которого горские народы переживали столь судьбоносный период своей истории, – насколько этот

режим способствовал, или, наоборот, проблематизировал переход горских народов к новой экономике и культуре.

И здесь прежде всего необходимо назвать книгу Ахмеда Тембулатовича Цаликова «Кавказ и Поволжье», собравшую под своей обложкой большую часть ранней публицистики автора [2]. Россия и Кавказ, история освоения Россией Северного Кавказа, государственно-административное управление горскими народами в конце XIX – начале XX века, в период трагической ломки всего жизненного уклада традиционного горского социума, – основные сюжеты этого примечательного труда.

Ахмед Тембулатович Цаликов – выдающийся общественно-политический деятель России и Осетии начала XX века, талантливый писатель и публицист. Его творческое наследие, десятилетиями пребывавшее в забвении, в постсоветские годы начинает активно публиковаться и изучаться [3]. К воссозданию и анализу его биографии, литературных трудов, к оценке его деятельности как политика, народного лидера обращались Ш.Ф. Джикаев, З.М. Салагаева, Л.В. Белоус, С.М. Исхаков и др. [4; 5; 6; 7]. Важная часть интеллектуального наследия А.Т. Цаликова – боевая, злободневная публицистика, касавшаяся всех сторон жизни народов России начала XX века, его замечательная книга «Кавказ и Поволжье» – ждут своего глубокого анализа.

Все структурные части (разделы) этого труда – статьи, прежде опубликованные в разных изданиях и в разные годы. Но сведенные воедино, они предстали единым, гармоничным текстом, четко раскрывающим концепцию автора. Центральный сюжет – трансформация традиционного горского общества, включившегося в движение мирового капиталистического хозяйства, вызвавшая неостановимый процесс распада всех его несущих конструкций, сложившихся веками балансов и гармоний. Отмечено, что этот процесс захватил всю территорию Северного Кавказа, все его уголки – и плоскость, и нагорную часть. «При значительном своеобразии экономического и вообще культурно-хозяйственного бытия этих полос, обе они в настоящий момент подвержены одному и тому же культурно-хозяйственному процессу, – пишет автор. – В мир натурального хозяйства врываются волны хозяйства товарно-менового, производя ломку как и первобытной экономической структуры, так и обусловленной ею первобытной патриархально-родовой идеологии» [2, 37].

Цаликов довольно подробно останавливается на «мучительном процессе разложения натурального хозяйства с его первобытно-патриархальной идеологией, которое обуславливается соприкосновением низшей хозяйственной культуры с высшей» [2, 53]. Пожалуй, его анализ не слишком оригинален – этих сюжетов касались все горские публицисты, писавшие на хозяйственно-экономические темы. Воссоздается картина уже вступивших на путь трансформации горских обществ, чья традиционность испытала сильный удар новых потребностей и возможностей индустриального мира. Прежний баланс неизменных потребностей и хозяйственно-промысловой культуры, удовлетворявшей их в традиционном обществе, был нарушен, сломлен. Цаликов, как и другие горские публицисты, оценивал новую экономическую ситуацию как драматическую, даже трагическую. Потребности горцев пришли в движение, стали быстро развиваться под влиянием европеизированной культуры городов Северного Кавказа. Между тем для удовлетворения новых потребностей горское традиционное хозяйство, не имевшее рыночного излишка, мало подходило. Навыки ведения горской экономики не могли измениться столь быстро и радикально. В результате образовавшийся «зазор» между новой системой потребностей и несовершенными подходами в хозяйствовании поставили горцев перед угрозой массового обнищания, голода (поскольку само включение в рынок шло за счет недопотребления у горских народов), вносили смятение и растерянность в общественное сознание.

Автор обрисовывает довольно «гармоничное» существование горских этносов вне рыночных реалий. Вот обычная осетинская патриархальная семья, где несколько братьев ведут единое нераздельное хозяйство. Такое хозяйство справляется и с продовольственным обеспечением семьи, и с налоговым прессом, и с общественно-родственными обязательствами: «Все интересы семьи сосредоточены вокруг земли и земледельческих работ. Весь строй мыслей и желаний твердо ограничен кругом обычных традиций и желаний. Дом полная чаша. В семье мир и лад» [2, 57]. Но вот один из братьев начинает занимать-

ся прибыльным, приносящим доход промыслом. И рушится патриархальная гармония в семье, которая вскоре беднеет, разделяется, и братья, бросив земледелие, бегут в город искать заработка. «Само занятие извозом, как промыслом, ведет к целому разрушительному процессу не только в хозяйственной жизни горца, но и во всем его мировоззрении. Оно ставит горца в положение продавца и нарушает те прежние патриархально-родовые навыки гостеприимства и любезности, которыми привыкли руководствоваться горцы в своих взаимных отношениях» [2, 57].

В традиционном обществе экономика – категория культуры и находится в тесной связи с религией, лишена рационализма и расчета; это процесс материальной жизни общества, а не индивидуальная деятельность, направленная на удовлетворение потребностей. Любое заимствование какого-то атрибута комфорта, хозяйственного усовершенствования часто разрушает эту раз и навсегда установленную данность культуры. Так, автор иллюстрирует это на факте заимствования осетинами русской печи, фактически «уничтожившей» религиозный культ очага. То же можно сказать и о других рациональных нововведениях, размывавших духовное содержание всего уклада жизни осетина.

Исчезло и чувство обеспеченности, надежности существования, оптимистическое мироощущение – активные нормативные принципы традиционного сознания. «Самый характер горца начинает сильно видоизменяться. Горец чувствует, как исчезает гармония в его мыслях и в его жизни, которые давали столько уверенного спокойствия и самообладания его предкам... Горец становится лихорадочно-суетливым и мрачно-беспокойным» [2, 56]. Безусловно, в основе этих изменений народного самоощущения – бурный рост потребностей у северокавказских народов. Горец начинает соотносить объективные обстоятельства своей «скудной» жизни с новой развитой духовной мерой. «Жизнь выбивает его (горца. – С.А.) каждодневно из обычной колеи. Жизнь соблазняет его каждодневно разнообразием возможностей. Жизнь безжалостно смеется над всем, чему десятки лет поклонялись его отцы, что свято чтили его деды» [2, 56].

Цаликов мог и далее дополнять эти выразительные картины «великой трансформации» горской жизни, показывать, «какие пертурбации производит в жизни горцев тот могучий процесс промышленного развития, который давно уже и так властно хозяйничает и в мужицком царстве русских деревень» [2, 56]. Но как и вся горская интеллигенция начала XX века, он настойчиво искал новую гармонию культурно-хозяйственной жизни, уделяя внимание перспективам построения рыночной экономики, в рамках которой горские народы могли бы удовлетворять свои современные потребности. Он искал динамичный баланс между стремительно меняющейся системой потребностей народов Северного Кавказа и «возможной» новой продуктивной экономикой, понимая, что это условие выживания народов этой окраины Российской империи.

Поэтому он задается вопросом: какие ресурсы есть у горских народов, чтобы с достоинством пережить эту «великую трансформацию», построить новую современную экономику? Цаликов последовательно и подробно рассматривает эту ресурсную базу – здесь и земельное обеспечение горских народов, и уровень традиционной хозяйственной культуры, наличие традиционных промыслов, и образовательный потенциал, и, наконец, помощь государственных и общественных структур.

Освещая каждый из этих вопросов, он привлекает труды известных специалистов по проблеме, сопоставляет их данные, обобщает и делает взвешенные выводы. О земельной обеспеченности горских народов писали Н. Тульчинский, Е. Максимов, Г. Цаголов, А. Гасиев, А. Ардасенов и др. Все они были единодушны в констатации вопиющего малоземелья горцев, ставившего их на грань физического выживания. Как результат колонизационной политики российской бюрократии, землеустройство плоскостной части Северного Кавказа отражало ее политические и экономические приоритеты: лучшие земли (и по количеству, и по качеству) достались опоре режима – казачеству, горским социальным верхам и усиленно создававшемуся в период реформ 60-х гг. XIX века классу земельных собственников – бывшим российским чиновникам и офицерам. Кроме кабардинцев и кумыков, более-менее обеспеченных земель, остальные народы Северного Кавказа оказались на клочках земли, не обеспечивавших прожиточный минимум. Горцы лишь арендой земли у казачества и земельных собственников, трудовой миграцией и отхожими про-

мыслями хоть как-то сводили концы с концами, справляясь с налоговым прессом и периодически, в период неурожая, оказываясь перед угрозой голода. Безусловно, речь не могла идти о том, чтобы на этих мизерных наделах построить крепкое хозяйство, включающееся в рынок за счет эффективного производства, а не за счет недоедания и недопотребления в среде горского населения.

Для выяснения истоков проблемы земельного голода горских народов, а также уровня традиционной хозяйственной культуры аборигенов края, Цаликов обращается к истории освоения Российской империей Северного Кавказа в первой половине – середине XIX века, таящей немало трагических страниц.

Мысль автора движется между полюсами «бюрократия – демократия», отмечая противостояние этих двух начал в политической и общественной жизни региона России. Бюрократия – феномен российской истории и жизни, централизованная иерархия должностных лиц, аппарат управления империей. Бездушная «машина» управления, превратившаяся в надменную касту, подмявшую под себя монархию и церковь, этносы и сословия, народное представительство, суд и законность [8; 9]. Цаликов обвиняет кавказскую бюрократию в обезземеливании горцев, в организации трагедии Северного Кавказа – переселении горских народов в Турцию. Заселяя опустевшие земли казачьими станицами, поместьями и хуторами, бюрократы-«культуртрегеры» были уверены в хозяйственном успехе этой новой системы землепользования, которую они сформировали, кроя и перекраивая обширные пространства региона.

«К чему привела эта “мудрая” политика кавказской бюрократии, так энергично стремившаяся очистить Кавказ от аборигенов? Как отразилась эта политика в хозяйственной жизни края?» – задается вопросом автор [2, 22]. И показывает, что близорукая политика кавказской бюрократии обернулась хозяйственной и экологической катастрофой для богатейшего края.

Адыгские народы Северо-Западного Кавказа сумели создать в экстремальных горных условиях уникальную эколого-хозяйственную систему, демонстрировавшую рациональность природопользования, бережное отношение к природе и экологии. Самобытные высокоразвитые земледелие и садоводство дополнялись весьма продуктивным скотоводством, с собственными оригинальными породами скота [10]. Как отмечает Цаликов, всех путешественников и первых исследователей края начала XIX века поражали как продуманность агроландшафтов, так и их ухоженность, живописность. Так, английский путешественник Э. Спенсер свидетельствовал в 1837 году: «С первого же момента, когда открылись передо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел самые пылкие мои представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве» [2, 22].

Эта уникальная хозяйственная система начала разрушаться в период Кавказской войны и практически погибла в период переселения адыгов в Турцию. Цаликов приводит мнение еще одного исследователя: «...Кровавая война изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившие много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и в период заселения страны русскими, частью одичали и так обросли другими породами деревьев, что теперь уже трудно определить, где кончается перевитая дикою виноградной лозой лесная чаща и где кончается бывшее культурное насаждение...» [2, 24]. Не оправдались надежды на культурно-хозяйственную миссию казачества, которое было прежде всего военным сословием и само нуждалось в хозяйственном «воспитании». Особо выделяет автор книги комментарий известного кавказоведа Я. Абрамова: «Богатейший край опустел. Казачество оказалось совершенно непригодным для внесения культуры. Огромные пространства земли, занятые прежде горцами, не вызывают даже ни в ком желания приобретения, так как они кажутся совершенно непригодными для культуры... А, между тем, эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы. Теперь же превосходные нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных скалах,

заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры» [2, 26]. И далее, как крик души, как стон – текст обращения к «русским государственным умам» видного краеведа П. Цирульников: «Зачем эти государственные умы лишили всю массу российского народа, столь разноплеменного, нового члена семьи, духовный облик которого так богат лучшими чертами человеческой личности? Зачем?» [2, 30].

Автор подводит итог: «Таково свидетельство исследователей, беспристрастно относившихся к кавказским горцам, понимавших, какую огромную роль играли горцы в хозяйственной жизни края, и какую потерю понес край с уходом значительной части их в Турцию» [2, 30]. Гибель самобытной хозяйственной системы лишила регион и его народы весьма значимого ресурса для построения в будущем эффективной экономики.

Но и в последующем, в пореформенные годы, кавказская бюрократия продолжала свою политику жесткого ограничения горцев в земельных и политических правах. Как и на Кавказе, так и по всей России бюрократия сеяла произвол и безнаказанность. Один из лучших юристов-теоретиков, имевший опыт государственной деятельности, либерал Б.Н. Чичерин, в работе «Россия накануне двадцатого столетия», отмечал: «Для всякого мыслящего наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, нас развещающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которой сверху донизу окутано русское общество. Корень и того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлевает всю русскую жизнь» [11, 145].

В первые десятилетия пореформенного периода бюрократическая власть склонна была считаться с институтами самоуправления и народного представительства северокавказских народов. Кавказская администрация «для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих туземцев, собирая представителей горских племен на большие народные собрания. Такие всенародные общественные собрания функционировали у чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев и др., принося значительную пользу населению как зачатки широкой общественной самодеятельности» [2, 74]. Но в последние десятилетия XIX века эта практика практически исчезла. «Когда на собраниях стали выплывать злоупотребления низшей администрации, когда сложилась горская интеллигенция и пробудилась общественная мысль, когда собрания задались целью сосредоточить в своих руках целые стороны хозяйственной жизни, и, прибегая к самообложению, пополнить недостаток земских учреждений, тогда администрация сначала стала неохотно созывать собрания, а затем и совершенно перестала созывать их. В основу управления был положен бюрократический централизм, со своим неизменным спутником – бюрократическим произволом» [2, 75].

Но особенно жесткий прессинг бюрократии стал ощущаться с конца XIX – начала XX века, когда Положением «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом» (1888 г.) устанавливались новые принципы управления Северным Кавказом, перешедшим в ведение Военного министерства. Теперь и гражданское население региона поручалось командующему войсками Кавказского военного округа, а на местах – в Кубанской и Терской областях – атаманам казачьих войск с правами генерал-губернаторов (см.: [12, 51-53]). «Положением 1888 г. об управлении Терской и Кубанской областями установлено узко-кастовое военно-казачье управление (выделено в тексте. – С.А.), без участия в нем не только представителей горских племен, но и неказачьего русского элемента, – писал Цаликов. – Этим положением туземцы ставились вне действия общих законов и вне каких бы то ни было забот об их культурно-хозяйственном преуспеянии» [2, 71].

Казачья администрация лучшим принципом управления, по словам Цаликова, считала систему репрессий, «ежовых рукавиц» и «бараньего рога». Искоренение «природных хищнических наклонностей» горцев – лишь этой целью руководствовался теперь администратор. «В его глазах все туземное население поголовно состоит из грабителей и разбойников, с которыми церемониться нечего» [2, 79]. Казачье управление, по мнению автора, отметилось многими административно-юридическими практиками, которым место в средневековье, а не в просвещенном XX веке: «административные репрессии по от-

ношению к горцам в виде военных экзекуций с постоями солдат и казаков в туземных поселениях, насильственное обезоружение туземцев, с оскорбительными для их достоинства обысками, круговая ответственность сельских обществ за порочное поведение отдельных членов, ограничение горцев в праве жительства в городах их родины и в праве приобретения недвижимой собственности, расхищение капиталов, собранных с туземцев, отобрание земель и лесов в пользу казны» [2, 66].

Вся эта активная репрессивная «деятельность» администрации разоряла и без того нищие горские хозяйства, вносила смятение и дезорганизацию в общественную жизнь.

Если в административно-полицейском, правовом отношении кавказская администрация стремилась поставить горские народы в положение каких-то «париев» по сравнению с казачеством, то «в области удовлетворения культурно-хозяйственных нужд туземцев она придерживалась политики полного игнорирования их <...> Никаких забот о народном образовании, о народном здоровье, о проведении железных дорог, вообще о поднятии экономического благосостояния и культурного уровня населения – казачья администрация не проявила» [2, 83]. За исключением Осетии, где стараниями Общества восстановления православного христианства на Кавказе были открыты десятки школ (правда, с миссионерским уклоном), во всей Терской области в течение пореформенного периода функционировали всего три школы (в Нальчике – для кабардинцев, в Грозном – для чеченцев, в Назрани – для ингушей). И это, как подчеркивает Цаликов, при огромном стремлении горских народов к получению светского образования.

«Такое же отношение обнаружила казачья бюрократия к удовлетворению других культурно-хозяйственных нужд горцев. В крае не существует никакой продовольственной организации. У туземцев Северного Кавказа нет ни одного запасного амбара хлеба, ни одной копейки продовольственного капитала; нет и сносных путей сообщения. Администрация не заботится о распространении сельскохозяйственных знаний, хотя бы путем устройства рационально поставленных опытных полей, питомников и т.д. Ничего не делается для улучшения туземных пород рогатого скота и лошадей, для устройства мелкого кредита. Довольно значительное количество сельских банков в Осетии открыто исключительно по инициативе частных лиц, потративших массу усилий и энергии, прежде чем труды их увенчались успехом» [2, 86].

Богатые, самобытные ремесла Северного Кавказа, кустарная промышленность, «которая могла бы служить серьезным подспорьем кавказскому населению в борьбе за существование», погибает в конкуренции с массовой продукцией промышленности. Чтобы выдержать конкуренцию, сохраниться, ей необходима помощь государственных и общественных организаций. Между тем ее изделия могли бы стать украшением российской культуры народных промыслов. Но надлежащей поддержки нет, хотя «организация кустарного дела на Северном Кавказе является одной из существенных хозяйственных задач, осуществление которой необходимо в интересах промышленного процветания края» [2, 64].

В итоге «энергичное и трудолюбивое население гор Кавказа гибнет и вырождается в непосильной борьбе за существование» [2, 65].

Горские общества Северного Кавказа, уже вовлеченные в мировое капиталистическое развитие (через усвоение современной системы потребностей), не имели ресурсной базы, чтобы включиться в модернизационный процесс, чтобы развиваться. Это оборачивалось архаизацией обществ, криминализацией, принявшей угрожающие масштабы. Архаизирующиеся общества начинают следовать культурным программам, которые исторически сложились в пластах этнических культур, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Такая «вторичная» традиционализация вовсе не свидетельствует о какой-то особой крепости и сопротивляемости горских традиций, не принимающих реалий модернизации, как полагают подчас исследователи (см.: [13, 425]). А скорее – о регрессивных явлениях, порождаемых самой модернизацией, ее противоречиями и кризисными неровностями [14].

Несколько разделов в книге «Кавказ и Поволжье» посвящены перипетиям криминальной «повседневности», феноменам «неоабречества», вновь пробудившейся «набеговой практики», жестоким столкновениям между казаками и горцами. Для борьбы с кри-

минальным «валом», обрушившимся на регион, у кавказской администрации в арсенале были лишь ее традиционные рецепты решения всех проблем, которым она не изменяла в течение столетия: карательные экспедиции, насильственные переселения, колонизация, депортации, экзекуции, разоружение и т.п. Однако все эти мероприятия власти уже давали сбой и вели лишь к еще большей вакханалии насилия в крае, что тяжело отражалось на экономической благоустроенности всех этносов и социальных слоев северокавказского социума.

Одними бюрократическими мерами было невозможно остановить этот мутный криминальный поток. Здесь необходима была «самодеятельность общества», т.е. мобилизация тех форм самоорганизации и самоуправления, которые выработали северокавказские народы. «Всякое зло, принимающее характер общественного недуга, может быть излечено исключительно творческими силами самого общества. Как бы мудры не были те или иные администраторы, какие бы средства не выдумывали они в тени своих канцелярий – все это бесплодная работа, раз не призваны к действию живые силы общества» [2, 100]. А сама государственная власть должна на первый план выдвинуть «меры социально-правового, экономического и культурно-просветительского характера» [2, 120].

Необходимо также привлечение внимания российской общественности к трагедии Северного Кавказа. «Если русское общественное мнение интересовалось армянским, македонским, албанским и всякими иными вопросами, то можно рассчитывать, что оно заинтересуется и горским вопросом, что оно обратит внимание и на то, что происходит у него тут же под боком (выделено в тексте. – С.А.)» [2, 137]. Довольно посмотреть на горские народы как на «иностранцев», пасынков российской государственности. Они такие же сыны российской семьи народов и рассчитывают на помощь своей Родины. «Не только осетины, но и кабардинцы, чеченцы и ингуши и др. племена – все они уже настолько прочно вошли в состав государства российского, не только формально, но и морально, что стремиться держать их в исключительном положении могут только лица, которым выгодно ловить рыбу в мутной воде краевых неурядиц и неустройства» [2, 137].

Корни всех проблем социально-криминального характера – в сжатой во времени ломке и переустройстве уклада жизни народов региона, в глубоком хозяйственно-модернизационном кризисе, в драматизации которого играли роль и политические, и экономические, и культурно-ментальные причины. «Горцы переживают особенно тяжелое время так называемого хозяйственного кризиса, сопровождающееся всегда самыми болезненными явлениями в жизни народа... И если хозяйственный кризис гонит часть туземцев из разных гнезд на отхожие промыслы в Россию и за границу – горцы Кавказа доходят теперь до Америки, Африки и даже Австралии, – то тот же хозяйственный кризис многие неустойчивые элементы горского населения толкает на месте родины на путь ночных предприятий и грабительских походов... Отсутствие кустарных промыслов и гибель тех, которые уже в зачаточном состоянии существовали среди горцев, неумение использовать собственными средствами природные богатства края – все это еще более способствует указанному явлению. А если принять во внимание, что это происходит на фоне малоземелья и обнищания горского хозяйства от непосильных налогов и платежей, то картина положения горцев должна получиться еще более безотрадной» [2, 140].

Цаликов предлагает проект реформ, которые неотложны, необходимы для борьбы с дальнейшей пауперизацией населения, криминализацией, могут внести хоть какой-то порядок и законность в жизнь горских обществ.

Прежде всего, это реформа административного механизма, т.е. «совершенное уничтожение узко-сословно-казачьего управления и введение общеимперского гражданского управления в областях (выделено в тексте. – С.А.)» [2, 139]. Как «механизм организованного недоверия по отношению к горскому населению» он давно себя изжил. В современном обществе «присутствие вооруженной касты среди мирного населения недопустимо» [2, 91]. Тем более, у горских народов сохранились богатые традиции гражданской самоорганизации и самоуправления.

Вторая реформа – «введение земских учреждений» на Северном Кавказе, от нее «зависит будущее края». Эта реформа даст возможность мобилизовать экономическую самодеятельность населения, его проснувшееся желание хозяйственного творчества.

Земская реформа, по мнению автора, может решить главную задачу времени: «поднятие производительных сил края» [2, 140].

И, наконец, третья реформа – введение суда присяжных. Реформа положит основание правовому воспитанию горцев как ответственных граждан России и в то же время будут учитываться горские юридико-правовые традиции.

Безусловно, эти реформы не решили бы всех проблем развития Северного Кавказа, но могли стать началом глубоких перемен в политической, социально-экономической и культурной жизни горских народов.

Но есть в этой книге некое предчувствие, невысказанная мысль, подтекст, смысл которого становится яснее, если вспомнить, в какое время вышла книга – в 1913 году. Последний предвоенный год. Империалистическая война подвела некую черту в истории мировой модернизации. Закончилась эпоха либерального Модерна, когда модернизационное развитие было делом и творчеством предпринимательских слоев населения, печалью интеллигенции и снисходительных забот отдельных представителей властных элит. После Первой мировой войны начинается новый этап организованного Модерна, когда модернизация становится пространством ответственности государств, политических режимов: на Западе – от либеральных, социал-демократических до откровенно тоталитарных [15]. В случае же России – это время рождения советского Модерна, поставившего амбициозную задачу совершения индустриального рывка, который поставит страну в ряд самых развитых государств.

Книга Ахмеда Цаликова была первопроходцем в постановке многих проблем модернизации народов Северного Кавказа, но в то же время и обобщением всей тематики горской общественной мысли в рамках этого актуального дискурса. Можно лишь отметить ее ярко выраженную обвинительную интонацию, одномерную сосредоточенность на проблемных «узлах» российско-кавказских отношений, что отмечают современные исследователи [16]. Мысль, проходящая пунктиром в книге «Кавказ и Поволжье», что модернизационное развитие – это проблема не краевая, региональная, а общеимперская, общегосударственная, общенациональная, в нее должны быть вовлечены все народы страны, все ее социальные слои. И хотя в будущем автор книги не нашел общей дороги с советским Модерном, но его работа оказала влияние на особенности советской историографии и публицистики (особенно ранней, 20–40-х гг. XX в.) – своим обличительным пафосом, своей жесткой антибюрократической позицией.

1. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: СОГУ, 2003. 366 с.

2. Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М.: Изд. М. Мухтарова, 1913. 186 с.

3. Цаликов Ахмед. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. 544 с.

4. Джикаев Ш.Ф. Жизнь – путь подвижничества и долга // Литературная Осетия. 1988. № 72. С. 72-74.

5. Салагаева З.М. Ахмед Цаликов // Ахмед Цаликов. Избранное. Владикавказ, 2002. С. 415-502.

6. Белоус Л.В. Поэтика А. Цаликова. Владикавказ: СОГУ, 217. 141 с.

7. Исхаков С.М. Ахмед Цаликов // Политические деятели России. 1917 г. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 336-338.

8. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8. С. 1-23.

9. Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Саратов, 2005. 54 с.

10. Литвинская С.А. Черкесская культура – эколого-экономический феномен в истории народов России // Юг России: экология, развитие. 2015. № 3. С. 70-84.

11. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Изд. Гуго Штейница, 1901. 180 с.

12. Кобахидзе Е.И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 258 с.
13. Гагагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917 гг. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
14. Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 309-313.
15. Федотова В.Г. Социокультурные образы модернизации конца XX – начала XXI века: Россия и мир // Знание. Понимание. Умение, 2018. № 2. С. 59-73.
16. Белоус Л.В. Осуждение российской политики на Северном Кавказе первой четверти XX века в художественной прозе и публицистике Ахмеда Цаликова // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7-2 (49). С. 92-95.

Ailarova, Svetlana A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

ISSUES OF MODERNIZATION OF THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE AKHMED TSALIKOV'S BOOK "THE CAUCASUS AND THE VOLGA REGION".

Keywords: Akhmed Tsalikov, Caucasus and Volga region, modernization, traditional society, economic crisis, archaization.

This article analyzes the book "The Caucasus and the Volga Region" by Akhmed Tembulatovich Tsalikov, a prominent socio-political figure in Russia and Ossetia, a talented writer, and publicist. This work focuses on the modernization of the peoples of the North Caucasus in the late 19th and early 20th centuries. The author identifies the resource base for the modernization of mountain peoples: land availability, the level of traditional economic culture, educational potential, and the support of state and public structures. A picture is created of mountain societies embarking on a path of transformation, their traditionalism severely impacted by the new needs and opportunities of the industrial world. The previous balance of unchanging needs and the economic and industrial culture that satisfied the mountain people in traditional society was disrupted. Tsalikov assesses the new economic situation in mountain societies as dramatic, fraught with mass pauperization and famine. He seeks a new harmony in cultural and economic life and the possibility of building a productive economy. Tsalikov considered the main factors problematizing the modernization "transition" for mountain societies to be the mountain people's land shortages, the bureaucratic arbitrariness of the Caucasian administration, the decline of indigenous crafts, increasing labor migration, and criminalization among the mountain people. He considered all negative trends to be manifestations of an economic and modernization crisis that led to the archaization of mountain societies. The author proposes a series of cultural and administrative reforms that could bring order and legality to the life of mountain society. A. Tsalikov's book is a pioneer in addressing many of the problems of modernization among the peoples of the North Caucasus, but it also summarizes the entire range of social thought within this actual discourse.

For citation: Ailarova, S.A. Issues of modernization of the mountain peoples of the North Caucasus in the Akhmed Tsalikov's book "The Caucasus and the Volga Region" // Izvestiya SOIGSI. 2025. Iss. 58 (97). Pp. 47-56. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.004

References

1. Ailarova, S.A. *Obshchestvennaya mysl' narodov Severnogo Kavkaza v XIX veke: kul'turno-istoricheskie problemy modernizatsii* [Social thought of the peoples of the North Caucasus in the 19th century: cultural and historical problems of modernization]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2003. 366 p.
2. Tsalikov, Akh. *Kavkaz i Povolzh'e. Ocherki inorodcheskoi politiki i kul'turno-khozyaistvenno-go byta* [The caucasus and the volga region. essays on foreign Policy and Cultural and Economic Life]. Moscow, Izd. M. Mukhtarova, 1913. 186 p.
3. Tsalikov Akhmed. *Izbrannoe* [Selected Works]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 544 p.

4. Dzhikaev, Sh.F. *Zhizn' – put' podvizhnichestva i dolga* [Life – the Path of Asceticism and Duty]. *Literaturnaya Osetiya* [Literary Ossetia]. 1988, no. 72, pp. 72-74.
5. Salagaeva, Z.M. *Akhmed Tsalikov* [Akhmed Tsalikov]. *Akhmed Tsalikov. Izbrannoe* [Akhmed Tsalikov. Selected Works]. Vladikavkaz, 2002, pp. 415-502.
6. Belous, L.V. *Poetika A. Tsalikova* [Poetics of A. Tsalikov]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 217. 141 p.
7. Iskhakov, S.M. *Akhmed Tsalikov* [Akhmed Tsalikov]. *Politicheskie deyateli Rossii. 1917 g. Biograficheskii slovar'* [Political figures of Russia. 1917. Biographical Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1993, pp. 336-338.
8. Ivanovsky, V.V. *Byurokratiya kak samostoyatel'nyi obshchestvennyi klass* [Bureaucracy as an Independent Social Class]. *Russkaya mysl'* [The Russian Thought]. 1903, no. 8, pp. 1-23.
9. Vorotnikov, A.A. *Byurokratiya v Rossiiskom gosudarstve: istoriko-teoreticheskii aspekt* [Bureaucracy in the Russian state: historical and theoretical aspect]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in Law). Saratov, 2005. 54 p.
10. Litvinskaya, S.A. *Cherkesskaya kul'tura – ekologo-ekonomicheskii fenomen v istorii narodov Rossii* [Circassian culture – an ecological and economic phenomenon in the history of the peoples of Russia]. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie* [South of Russia: Ecology, Development]. 2015, no. 3, pp. 70-84.
11. Chicherin, B.N. *Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the eve of the twentieth century]. Berlin, Izd. Gugo Shteinitza, 1901. 180 p.
12. Kobakhidze, E.I. *Tsentral'nyi Kavkaz v ob'edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [The Central Caucasus in the unification policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2016. 258 p.
13. Gatagova, L.S. *Severnyi Kavkaz v epokhu pozdnei imperii: priroda nasiliya. 1860-1917 gg.* [The North Caucasus in the Era of the Late Empire: The Nature of Violence]. Moscow, Novyi khronograf, 2016. 448 p.
14. Fedotova, V.G. *Krizis modernizatsii i arkhaizatsiya obshchestva* [The crisis of modernization and the archaization of society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013, no. 1, pp. 309-313.
15. Fedotova, V.G. *Sotsiokul'turnye obrazy modernizatsii kontsa XX – nachala XXI veka: Rossiya i mir* [Sociocultural images of modernization of the late 20th – early 21st century: Russia and the world]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2018, no. 2, pp. 59-73.
16. Belous, L.V. *Osuzhdenie rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze pervoi chetverti XX veka v khudozhestvennoi proze i publitsistike Akhmeda Tsalikova* [Condemnation of Russian policy in the North Caucasus in the first quarter of the 20th century in fiction and journalism by Akhmed Tsalikov]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal]. 2016, no. 7-2 (49), pp. 92-95.